
/////// **Б О Р И С А К У Н И Н** /////

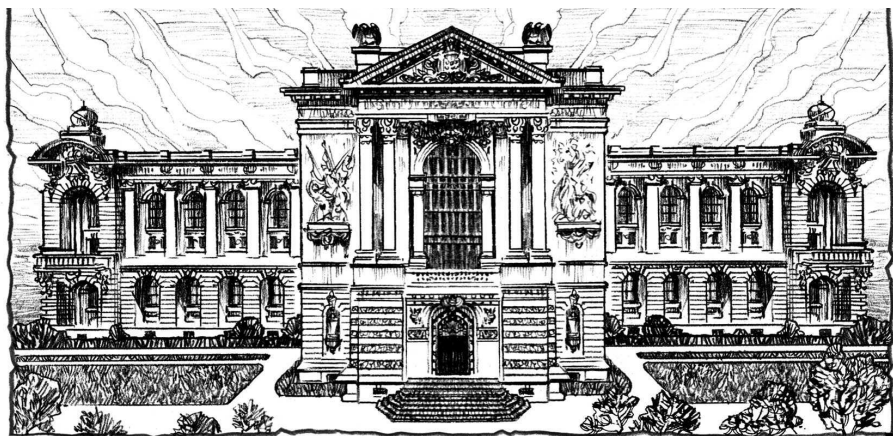
Он уходя спросил

Господи, как странны, как непостижимы извивы судьбы! Казалось бы, в моем нынешнем положении меня невозможно еще чем-то потрясти. И тем не менее я потрясен. Эта нежданная встреча, этот разговор дали ответ на вопрос, мучивший меня столько времени. Я был уверен, что до смерти не узнаю разгадки. И вот тайна раскрылась.

Я взволнованно хожу взад-вперед, механически считая шаги, и вспоминаю с поразительной ясностью мельчайшие подробности, сами выплывающие откуда-то из подвалов памяти. Вспоминаю с самого начала, день за днем, сцену за сценой.

Это отвлекает меня от действительности, возвращает в прошлое. В мир, которого больше нет.

ЧЕТЫРЕ ТЫСЯЧИ ШЕСТЬСОТ СЕМЬДЕСЯТ ТРИ ШАГА

I

Какого же это было числа?

У меня сохранился бархатный бювар с гербом Гримальди и серебряной табличкой, на которой выгравировано по-французски:

«Делегату Первого Международного Конгресса
Криминальной полиции.
Монако. 14–18 апреля 1914 года».

Я познакомился с ней в предпоследний день съезда. Стало быть, семнадцатого апреля, по русскому календарю — четвертого.

Историческая встреча криминалистов двадцати четырех стран проходила в очень красивом и очень странном месте — в недавно открывшемся Океанографическом музее. Там в фойе на потолке висел скелет кашалота, в аквариумах плавали дико-

ЧЕТЫРЕ ТЫСЯЧИ ШЕСТЬСОТ СЕМЬДЕСЯТ ТРИ ШАГА

винные подводные существа, а за окнами, под скалой, рокотали волны.

Соединение океанографии с криминалистикой объяснялось тем, что у монарха маленькой страны в жизни было два увлечения: море и мечты о светлом будущем человечества, в котором Зло будет побеждено Разумом.

Головокружительные перспективы нового столетия на пленарных заседаниях обсуждали не меньше, чем практические вопросы — международное сотрудничество в розыске преступников, обмен профессиональным опытом и юридические процедуры. Над головами полицейских комиссаров, судебных экспертов и прокуроров — людей, знавших самую худшую сторону жизни, — витал дух Грядущего, в котором будут властвовать Право, Гуманность и Наука, а земной шар соединится в одну дружную семью. Одна из дискуссий — подумать только — была посвящена языку эсперанто, на котором следует проводить подобные симпозиумы в будущем.

Пока что все выступления шли на французском.

День, как обычно, начался с общего собрания, где его высочество произнес великолепную речь.

«Господа, — говорил принц, — нам с вами выпало счастье родиться во времена, когда человечество после долгих мытарств и испытаний вплотную подошло к решению самых сложных проблем, к излечению своих извечных болезней. Наука достигла невиданного развития. Наше поколение овладело силой электричества, научилось создавать удивительные машины, разговаривать на расстоянии по проводам, летать по воздуху и плавать под водой, но драгоценней всего не это. Уровень цивилизации в первую очередь определяется не технологиями, а самым главным параметром: ценностью человеческой жизни.

Он уходя спросил

И здесь нам тоже есть чем гордиться. Те из вас, кто, подобно мне, родился в первой половине прошлого столетия, помнят, как излюбленным развлечением толпы были публичные казни преступников — варварство, ныне совершенно искорененное в передовых странах. Я уверен, что и самое смертная казнь, позорное наследие темных времен, в скором времени повсеместно исчезнет. Тюрьма превратится из средства наказания в госпиталь, где лечат захворавшие души. В суде будет властвовать не суровость, а отеческая забота. Главной задачей уголовной полиции станет полное искоренение убийств, ибо — повторю — нет ничего ценнее человека. Защитники закона должны прилагать все усилия, чтоб спасти того, чья жизнь в опасности, и не оставить безнаказанным ни одно убийство, каких бы усилий и затрат ни стоил розыск преступника».

Если бы эти прекраснодушные сентенции изрекал кабинетный мечтатель, каких так много среди нашей интеллигенции, я бы слушал речь со скептической улыбкой, но его высочество Альберт Первый был отважным мореплавателем, знавшим мир не из книг. Его худое, обветренное лицо светилось силой и энергией.

И всё же, когда оратор помянул пресловутую слезу ребенка, мы, члены русской делегации, иронически переглянулись.

— Это единственное, что европейцы почерпнули из Достоевского, — шепнул действительный статский советник Лучинский, представлявший Министерство юстиции.

Коллежский советник Гюнтер, от Министерства внутренних дел, наморщил нос:

— Сказка Оскара Уайльда «Счастливый принц».

Я и у Достоевского-то, честно говоря, читал только роман «Бесы», потому что там подлинная уголовная история, хоть

ЧЕТЫРЕ ТЫСЯЧИ ШЕСТЬСОТ СЕМЬДЕСЯТ ТРИ ШАГА

и очень недостоверно пересказанная, а про Оскара Уайльда и вовсе слышал краем уха, поэтому со своей стороны ничего интеллектуального присовокупить не смог и лишь молча улыбнулся.

Мне впрочем возвышенность монашеского князя нравилась. Монархи и должны указывать десницей к небесам, на то они помазанники божьи, а грязью под ногами будем заниматься мы, блюстители порядка.

В то апрельское утро мои мысли вообще были исключительно приятны. Европейская командировка у меня только начиналась. Из Монако я должен был отправиться в Марсель и Париж, изучать французский опыт создания мобильных отрядов, так называемых «бригад Тигра», названных в честь их создателя Жоржа Клемансо по прозвищу Тигр. Превосходная идея: иметь в каждом регионе специальную полицейскую группу для молниеносного расследования важных преступлений. Проект, который я разрабатывал у себя в Департаменте, предполагал учредить нечто подобное и в России. С нашими расстояниями это еще актуальнее, чем во Франции.

Потом я планировал навеститься в Лион, который на весь 1914 год был объявлен Столицей Мира — там 1 мая открывалась международная выставка достижений науки и техники.

Лучшие умы издавна спорят о том, что́ есть Добро и что́ есть Зло. Я не философ, но я давно понял. Добро — это Ордер: правила, порядок и предсказуемость, а стало быть безопасность. Зло — нарушение правил, утрата ориентиров, Хаос. Я ненавижу Хаос. Он окружает меня всю жизнь, со всех сторон, наносит удар за ударом, и я могу противостоять этой агрессии лишь посредством выдержки, дисциплины, расчета. Мои великие союзники — наука и техника. Они подвергают Хаос анализу, уме-

Он уходя спросил

ют его предугадывать и ставить под контроль. Я — профессионал Ордера и укротитель Хаоса. Вот мое ремесло и мое призвание. А то, что я выполняю эту работу именно в Департаменте полиции, не более чем случайность судьбы. В юности я был очень беден, не хватило средств доучиться в университете, и пришлось поступать на то место, где платили приличное жалованье и давали казенную квартиру.

Что ж, я неплохо себя показал на этом поприще. Меня никогда не влекли рискованные приключения, как иных моих коллег. Я ценил в своей службе то, что она призвана охранять порядок. Скажу без ложной скромности, что моими усилиями российская уголовная полиция стала работать намного лучше.

Об отечественных достижениях мне предстояло рассказать иностранным коллегам после кофейного перерыва, когда делегаты разделились для работы в профильных секциях.

Наша, называвшаяся попросту «Questions Policières», «Полицейские вопросы», заседала в читальном зале, среди книжных шкафов, маринистских пейзажей и макетов кораблей.

Председательствующий объявил:

— Слово для доклада имеет мсье Базиль де Гусефф, Conseiller d'Etat, Chef de Section au Département de la Police de Russie*.

Немного развеселившись на частицу «де», прицепленную мне для вящей солидности, я с удовольствием стал живописать новшества, введенные моим ЦТБ, Центральным техническим бюро, которое пять лет назад появилось в Департаменте благодаря моей же докладной записке. Очень приятно было гово-

---

* Статский советник, начальник отдела в российском Департаменте полиции (*фр.*).

ЧЕТЫРЕ ТЫСЯЧИ ШЕСТЬСОТ СЕМЬДЕСЯТ ТРИ ШАГА

рять о любимом деле перед столь компетентной и заинтересованной аудиторией.

Описывая, как у нас устроены антропометрическая и дактилоскопическая экспертизы, как оборудована химическая лаборатория и как убыстрило регистрационный процесс использование перфокарт, я следил за лицами слушателей и читал на них живейшее внимание. В зале сидели опытейшие полицейские деятели европейских, американских и азиатских стран. Я знал, что в чем-чем, а в полицейской работе моя держава находится на передовом рубеже прогресса. Тут было чем гордиться, в том числе и лично мне.

Разумеется, передо мной были только мужские лица. И вдруг, на пятой или шестой минуте моего доклада, в дверь заглянула молодая дама. Я подумал, что она ошиблась дверью и сейчас удалится, но женщина прошла в зал и села на третий ряд.

Теперь я все время невольно поглядывал на нее. Среди уса-тых и бородатых физиономий, среди темно-серых, коричневых и черных сюртуков, светлое платье и женское лицо не могли не выделяться.

Какое впечатление на меня произвела Мари при первом взгляде?

Кажется, не особенно хорошее.

Я немного раздражился, что на заседание проникла посторонняя особа. И мне не понравилось, что светлые волосы дамы обрезаны выше плеч. Скоро такой фасон войдет у женщин в повсеместную моду, но в четырнадцатом году короткую стрижку носили только суфражистки и феминистки, а я и к тем, и к другим относился неодобрительно.

Мой взгляд на равенство полов был простым. Мужчина должен быть мужчиной, женщина — женщиной. И точка. То, что хо-

Он уходя спросил

рошо в мужчине, плохо в женщине — и наоборот. Женственный, то есть впечатлительный, эмоциональный, податливый мужчина жалок. Мужественная, то есть толстокожая, рассудочная, напористая женщина отвратительна. Смысл того, что Высшая Сила или природа (лично я верю в природу) разделила homo sapiens на две половины, именно в этом — чтобы одна компенсировала недостатки другой. Функция мужчины — рисковать, первооткрывать, идти напролом; функция женщины — осваивать полезные открытия и отвергать опасные, цивилизовать и одомашнивать жизнь. Я даже не знаю, чья миссия важнее.

Как она выглядела, Мари?

Невысокая, стройная, с очень сдержанными, экономичными движениями. Лицо идеально красивое, как у античной статуи — и такое же холодное, безо всякого выражения, будто пустое. Взгляд голубых глаз внимателен, бесстрастен. На высоком лбу, ровно посередине, маленькая родинка — единственная неправильность этого мраморного лика. Одежду вспомнить не могу. Что-то не то палевое, не то кремовое, свободное, совершенно не останавливающее взгляда. Мари всегда носила просторные наряды, не стеснявшие движений, а ступала со странной беззвучностью — потом я узнал, что она предпочитает туфли на каучуковой подошве.

12

Нет, не буду забегать вперед. Мне важно каждое мгновение, пусть они возникают одно за другим.

Единственная дама слушала меня так же хорошо, как остальные, и я перестал на нее раздражаться. Видеть в зале красивое женское лицо, пожалуй, было даже приятно.

Ответив на вопросы и раскланявшись на аплодисменты, в перерыве я спросил нашего председателя Леблана, кто сия любопытствующая мадам.

Он меня поразил.

ЧЕТЫРЕ ТЫСЯЧИ ШЕСТЬСОТ СЕМЬДЕСЯТ ТРИ ШАГА

— Это наш следующий докладчик — Мари Ларр, глава частного детективного агентства «Larr». Только не «мадам», а «мадемуазель».

— Ну разумеется, — засмеялся я. — Кто женится на этакой Горгоне с леденящим взглядом?

Мне стало любопытно. После основного доклада Леблан всегда приглашал очень интересных спикеров (модное английское слово), чтобы делегаты не скучали. Но женщина? Это была уж совсем экзотика.

— Вы напрасно усмехаетесь, — укорил меня председатель. — Агентство «Ларр» не имеет себе равных по результативности. К нему нередко обращаются за помощью в сложных или деликатных случаях полиции ведущих стран и даже, по слухам, августейшие особы.

Нечего и говорить, что после подобной интродукции я был полон хоть и недоверчивого, но острого любопытства. Тема сообщения мадемуазель Ларр была узкоспециальная: «Определение правдивости показаний по косвенным признакам».

Ну-ка, ну-ка, сардонически думал я, разглядывая спикершу, поучи кота есть сметану.

Все присутствующие смотрели на докладчицу примерно так же — как в цирке на поющую собаку или танцующую медведицу. Женщина, однако, этого, кажется, не замечала — или не удостоивала заметить. В ее голосе и манере не ощущалось никакого смущения. Не было и апломба, естественного для представительницы слабого пола, достигшей успеха в сугубо мужской профессии. Мари Ларр глядела поверх голов, говорила негромко — кому нужно, услышит и, что поразительно, по-видимому, не заботилась, какое впечатление она производит на публику. Вот уж совершенно неженский, я бы сказал *антиженский* стиль поведения!

Он уходя спросил

Но выступление оказалось до того интересным, что скоро я весь обратился в слух.

Речь шла о технологии допроса подозреваемых и опроса свидетелей — точнее, как выразилась мадемуазель Ларр, о «верификации», то есть анализе достоверности получаемых сведений. Какие-то вещи были очевидны или известны мне по опыту работы в сыске, но оказалось и много нового, нестандартного. Главное же тут чувствовалась хорошо разработанная система, а это я очень ценю.

Выступающая начала с «архитектуры диалога», который следует выстраивать совершенно по-разному с учетом множества параметров (возраста, этнического и социального происхождения, конфессии, первого впечатления и так далее), а затем модифицировать в зависимости от «маркёров», помогающих определить типаж собеседника. Правдивость определяется по комплексу физиологических и психологических реакций: мелкой моторике, мимике, голосовым модуляциям, сужению-расширению зрачков, речевым манеризмам, паузам и так далее, и так далее.

Я слушал и думал, что неплохо бы составить специальное методическое пособие для «школы сыщиков» — так у нас в Департаменте называли недавно созданные курсы подготовки чинов сыскной полиции.

По-французски Мари Ларр говорила, на мой слух, без акцента, и сначала я принял ее за француженку, но она несколько раз сказала «у нас в Лондоне», а потом упомянула, что работала у Пинкертона, то есть в Североамериканских Штатах. По внешности же и сдержанным манерам она походила на немку, в которых так мало живости и женственности.

ЧЕТЫРЕ ТЫСЯЧИ ШЕСТЬСОТ СЕМЬДЕСЯТ ТРИ ШАГА

Многие в зале стали вести записи, а после выступления, в перерыве, окружили поразительную даму, засыпая ее вопросами.

Я тоже желал получить дополнительные сведения по одной заинтриговавшей меня теме, но толкаться плечами с остальными не хотелось. К тому же мадемуазель Ларр заинтересовала меня и как личность (не как женщина, вот уж нет), и я был не прочь побеседовать с ней тет-а-тет.

Пришлось подождать, пока она освободится.

Я отошел к стене, закурил сигару и от нечего делать стал разглядывать себя в зеркале.

